

Максим Горький

За бортом

Элегия

«Даже и мёртвый на кладбище покоится среди подобных ему — подумайте, как мучительно живому быть одиноким!»

Луиза Аккерман

Тоскливый дождь осени, не умолкая, стучит в стёкла окон, и сквозь них ничего не видно, кроме тьмы, неподвижной и густой. Как будто жалуясь на что-то, звучит вода, сбегая с крыши, и этот унылый звук, вместе с тихим шумом дождя, — это всё, что напоминает о существовании движения и жизни за окном, во тьме, скрывшей собою и небо и землю.

В кабинете, уютно убранном и освещённом рабочей лампой с зелёным абажуром, за столом, в глубоком кресле, лицом к окну, сидит человек, высокий и полуседой, и, не отрывая глаз от тьмы за стёклами, упорно смотрит в неё большими серыми глазами из-под нахмуренных бровей.

Его изрытое морщинами, сухое, длинное и серое лицо — неподвижно, губы плотно сжаты, и он так держится пальцами за ручки кресла, точно ожидает, что какая-то сила оторвёт его от кресла и бросит в эту тьму, навевающую на душу холод и

тоску. В окно дует, пламя лампы колеблется, и по стенам кабинета бесшумно ползают странные тени — целый мир бесформенных, полупрозрачных, дрожащих пятен. Они так дрожат, точно им хочется вырваться из комнаты туда, за окно, и они не могут этого сделать и страдают от бессилия...

И человек, сидящий у стола, порою вопросительно смотрит на них, как бы ища в их движении ответа на думы, поглотившие его. Из всех углов его комнаты на него смотрят тёмные глаза одиночества, и все предметы вокруг, погружённые в полумрак, изменили свои контуры и утратили свой обычный вид. Человек хотел бы пойти куда-нибудь, где более светло и где есть жизнь; но он — человек тяжёлого и необщительного характера, он никогда не прочь слушать, что говорят другие, но сам не находит нужным много говорить, ибо он знает, что слово — слишком бедно не только для того, чтоб точно передать все оттенки мысли, но и для того, чтобы хоть схематично оформить эту мысль, не оставляя за нею в душе ничего недосказанного, никакой тени и осадка. Да и совестно как-то говорить о том, что сказано не раз уже и много раз сказано гораздо лучше, чем можно сказать.

Среди людей, в гостиных, он — точно *memento mori*¹, его не любят за его постоянно сосредоточенный вид и те холодные улыбки, которыми он отделяется от попыток завязать с ним разговор. Он знает, что он только с трудом терпим и что без него его знакомые чувствуют себя свободнее. Он знает, что его считают человеком, слишком много думающим о себе, что на его скептицизм смотрят как на стремление быть оригинальным, что его подозревают в болезненном пренебрежении ко всем и ко всему, в мании величия.

Его не оскорбляет всё это, и он далёк от желания разубеждать людей в их ошибочном взгляде на него. Он уверен, что всё, что люди думают и делают, — вполне достойно их, что человека медленно изменяет только время и что никакие доводы рассудка не в состоянии заставить его изменить даже те привычки, которые заведомо вредны ему. Несомненно, что каждый человек заслуживает всё то, чем он живёт, — но есть люди, которые любят быть более несчастными, чем определено для них судьбой, — он принадлежит к этой категории людей и никого не винит в том, что он остался за бортом жизни.

¹ здесь в значении: напоминание о смерти. — Ред.